

Эльчин
Сафарли

возможно, это
твоя история

Мне тебя обещали

иногда мне кажется,
что это со мной
не случится...

Эльчин Сафарли

Мне тебя обещали

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=592415

Сафарли, Э. Мне тебя обещали : роман: АСТ, Астрель; Москва; 2011

ISBN 978-5-17-071166-6, 978-5-271-32186-3, 978-5-17-071165-9,

978-5-271-32187-0

Аннотация

«Это я. Скрываться и врать, что это всего лишь образ, смешно.

Вместил в эту историю непростой период своей жизни, когда время отняло меня у меня же. Говорить об утрате больно. Лучше о ней написать. Я попробовал и сам не заметил, как вырос из нее.

Невозможно заново открыть для себя красоту мира, не лишившись чего-то важного. На месте утраченного остаются пустоты бездонных оврагов. И, пытаясь их заполнить, начинаешь сильнее ценить жизнь.

Пусть наши утраты будут для нас испытанием, но не пыткой».

Ваш Сафарли

Содержание

Часть I	4
1	4
2	9
3	13
4	17
5	21
6	25
7	29
8	33
9	37
10	40
11	44
12	48
13	52
14	56
15	60
16	64
17	68
18	72
19	76
20	80
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Эльчин Сафарли

Мне тебя обещали

Моему родному Чингизу.

Спасибо за твою временами неодобрительную улыбку и за то, что ты всегда рядом.

С благодарностью Оле Ткачевой.

Ты делаешь меня лучше, солнце.

Когда хочется уйти от того, что причиняет боль, кажется, будет легче, если повторить вспять уже раз пройденную дорогу.

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Часть I

От тебя...

Величайшее несчастье – быть счастливым в прошлом.

Бозций

1

В моей жизни давно не случилось ничего примечательно-

го. Сплошные повторы изо дня в день. Вплоть до мелочей. Адская трель будильника, который так и подмывает выбросить с балкона. Не решаюсь – он подарен ею, на Хэллоуин. «Страшнее презента не придумаешь, дорогой! В магазине сказали, что его звонок разбудит даже мертвого». Холодные тапочки, которые оказываются где угодно, только не у кровати. Всегда хочу плюнуть и не искать их, но ступить босиком на ледяной пол ванной – это похуже любого будильника. Поэтому первые десять минут после пробуждения уходят на поиски шлепанцев. Обычно они оказываются в разных неожиданных местах, как будто я застал их за игрой в прятки.

Потом быстрый душ с закрытыми глазами, нездоровый завтрак – растворимый кофе (лень заваривать), лицемерное «Доброе утро!» от излишне любопытной соседки (ей дай волю, она и под кровать ко мне заглянет) и быстрые шаги в сторону метро. Ничего примечательного. Заурядный день обычного человека. Таких, как я, миллионы. Особенно в больших городах. И исчезновение одного из нас пройдет незамеченным. Я из-за этого не переживаю. Абсолютно. Только временами задумываюсь, когда вижу в утренней давке вагона мужчин моложе меня. В них еще есть энтузиазм, глядишь, некоторые даже улыбаются. Скоро они станут похожими на меня, а я стану похожим на тех, кто уже не живет. Доживает. Я пока еще барахтаюсь. Если задумываюсь о чем-

то, значит, жив. Но до поры сплошных рефлексов и атрофировавшихся чувств осталось мало. И я обязательно дойду до окончательной точки разложения, если не... Какая дурацкая ирония: когда зависит от нас мало, наши планы и надежды все чаще начинаются с беспомощного «если».

А ведь еще каких-то восемь месяцев назад было все иначе. Была Венеция и сплетение рук в ускользающих тенях Сан-Марко. Было лето и волнистые страницы любимых книг – мы их перечитывали на пляже, а с волос капала соленая вода. Были волшебные вечера на кухне за кружкой чая и солнечные мысли, посещающие просто так. Я не романтик, хотя, признаюсь, когда-то был им. Просто оживляю себя воспоминаниями, чтобы счетчики окончательно не обнулились. Каждый забывается по-разному. Кто-то ищет спасения в водке, кто-то в иллюзиях, кто-то – в прошлом. Если я ищу спасения, значит, я еще верю? Или это всего лишь обезболивающее на время?

Во мне нет злости. Вместо нее раздражение. На самого себя. Раздражение совершенно необъяснимое, ну, как когда разглядываешь отражение в зеркале и понимаешь: что-то не так, а что именно – не знаешь. Все не так. И это не заниженная самооценка или приступ самокритичности. Снова странное чувство, словно вот-вот разорвутся важные нити, а я не могу ничего поделать.

После работы, по пятницам, сотрудники приглашают культурно провести время. Сходить в прокуренное заведение на противоположной улице. Там водянистое пиво, невкусная закуска и официантки слишком доступные. Бери не хочу. «Не хочу. В другой раз, мужики». Я уже давно не объясняю причину отказа, надеюсь, скоро они вообще перестанут звать. Мне тоскливо от повторов в жизни, не хочу, чтобы они были связаны даже с походами в пивнушку. Как-то совсем унизительно это. Тем более и компания никакая (последовательность их разговоров знаю наизусть), и пиво посредственное (если верить меню, немецкое, разливное), и печальный вид официанток (у них глаза, как проселочные дороги осенью) наводит на мысли о безнадежности существования.

Я не знаю, что будет дальше. Наверняка не окажусь в тюрьме за убийство самого себя. Наверняка не лишусь работы из-за нахлынувшего кризиса – я проверенный и исполнительный сотрудник, с недавних пор не амбициозный, не жду прибавки к зарплате или повышения. Наверняка не женюсь, не заведу собаку. Нет сил на совершение выбора. Тем более правильного выбора в реальности не существует – есть только сделанный выбор и его последствия. Наверняка я буду так же, как сегодня, возвращаться ближе к девяти с работы, вдыхать одинокий воздух пустой квартиры, варить макароны на ужин, есть за телевизором и вырубаться после обильной ма-

стурбации. Пустые слова, что это не жизнь. Это жизнь, нелюбимая и одинокая жизнь, в которой каждый новый день – вчерашний.

Передо мной сидит Фернандо. Весь такой довольный, элегантно одетый, с развязанным галстуком. Его штанины задралась вверх, обнажив смуглые ноги с темной порослью. У него хорошее настроение, у меня – не очень. Два часа назад Фернандо позвонил и сказал, что заедет ко мне с бутылкой французского коньяка. Он называет это «Выпьем, поболтаем. Давно не виделись».

Мы вместе учились в школе, вместе стали мужиками. Однажды в восьмом классе наскребли денег, пошли к шикарной проститутке с псевдонимом Мишель. Она жила недалеко от Центральной площади в маленькой квартирке, где было много красного и пахло сладкими духами. У Мишель была сочная грудь и невероятно пухлые губы. Для нас, смущенных девственников, было огромным везением переспать с такой женщиной, причем двоим одновременно.

На самом деле он не итальянец и зовут его гораздо банальнее. Фернандо – кличка со старших классов, когда наш светлый одноклассник в расцвете подросткового возраста посмуглел, потемнел, стал походить на типичного итальянца. Девкам это нравилось, у пацанов, естественно, вызывало зависть. Фернандо пришлось отложить Сэлинджера в сторону

и научиться драться. Дрались мы вместе – и в школе, и по жизни – до тех пор, пока Фернандо не женился. На богатой девушке арабского происхождения. Он говорил, что по любви, я не очень верил, но молчал.

Сейчас у моего друга есть семейный очаг, покорная жена, две очаровательные дочери, секс раз в неделю, квартира в десяти минутах от набережной и покровительство тестя. Фернандо доволен, я опять-таки не очень верю, но молчу. Пропустив по стаканчику, обсуждаем свои жизни, каждый старается зацепить другого побольнее. Не то чтобы мы, как два пехота, хвастаемся богатством своих курятников. Но неизменно говорим о преимуществах друг перед другом, корректно называя их «плюсами». Это спорт. Своеобразная дуэль между мужчинами.

Дочери – главная победа в жизни Фернандо. «Каждый мужик рано или поздно задумывается о смысле жизни. Ну сколько можно работать, бухать, трахаться и херней маяться? Мои дочки и есть тот смысл, который мне был нужен, хотя ты знаешь, как я боялся заводить семью. Не представляю, как люди живут без детей. Когда не спотыкаешься об игрушки ночью и никто не несется на твое «Эй, кто есть дома?». Да, старик, ты можешь назвать меня сентиментальным мудаком, но это чушь, что семья для мужика – тяжкие окопы. Мне хорошо! Конечно, от жены периодически устаю, но

любовь детей компенсирует многое, если не все».

Я молчу. То, что мне хотелось сказать Фернандо о свободе – главном плюсе моей жизни, уже кажется бессмысленным. Вряд ли в свободе больше смысла, чем в детях. И ведь наверняка Фернандо повторит слова, которые я не раз слышал: мол, жалобы большинства мужчин на одиночество – рядовое кокетство, им нравится жить в преодолении, считать, что размеренная семейная жизнь ведет к хандре и импотенции.

Подливаю коньяк в бокалы, отправляюсь искать лимон в надежде поменять тему беседы. Я люблю Фернандо. Близкий мне человек. Давно не ценю его за что-то, он просто свой. Но даже перед ним прячу собственную уязвимость. Веду себя самоуверенно, ненароком обсуждая то, что внутри отзывается болью. Каким бы ты мужиком ни был, иногда твоя противотанковая броня покрывается ржавчиной. И хочется кусочка безвозмездного тепла. Но все привыкли к тому, что ты вот такой вот железный парень. И никому в голову не закрадется мысль о том, что тебе так мало надо.

Выхожу проводить Фернандо, заодно подышать воздухом. Ночной город. В легком тумане размывается свет улиц – так видит фонари близорукий или плачущий человек. Или горемыка без перспектив. Итальянец изрядно выпил, говорит слишком громко. Загружаю его в такси, называю адрес, пла-

чу. Возвращаюсь обратно, подняв воротник пиджака. В памяти всплывают слова Фернандо: «Я все время ждал, что вот-вот появится именно та, что станет моей судьбою. Как в книжках. Так редко кому-то везет. Лично мне не повезло... Брат, не ставь высокую планку в личной жизни. Наши половинки – это еще и плод наших усилий. Возможно слепить то, что хотелось. Не сразу, конечно. Со временем. Мы, мужчины, чаще всего сами виноваты в своем одиночестве, подсознательно выбирая свободу».

«Вы неважно выглядите. Может, съездите куда-нибудь, отдохнете? Смените обстановку». Если она не заткнется, я убью ее. «С ванной закончили?» – перебиваю ее, ухожу в прихожую, вытягиваю портмоне из кармана куртки. Быстрее бы ушла. Возвращаюсь с купюрами в руках. «Да-да, все... Мне неудобно брать всю сумму, у вас всегда чисто, давайте половину». Она смотрит на меня жалостливым взглядом, будто я инвалид или умалишенный, за которым надо присматривать. Я держу деньги перед ее лицом, делая вид, что не слышал: «Всего хорошего. На следующей неделе в это же время».

Опустив глаза, кивает, берет деньги, торопливо одевается. Худенькая. Плащ цвета топленого молока, коричневые ботиночки, шерстяная беретка. Рядом с сумкой три тяжелых пакета, видимо, шла сюда с рынка. Рыжая убирается у меня второй год. Раз в неделю, по пятницам. Ее мне посоветовала консьержка: «Приличная женщина, чистая на руку, одна дочь растит». Обычно с Рыжей не встречаюсь, приходит в мое отсутствие (ключи оставляю у консьержки). Вторую пятницу возвращаюсь домой раньше обычного, сталкиваюсь с Рыжей.

Она стала неприятна мне. Может, из-за того, что Рыжая – свидетель моего потерянного прошлого, где не было пустоты, ускользающих призраков, где были двое? Не знаю. Думаю, все дело во взгляде. Нервирует, унижает, сама того не замечая. В нем жалость. Такая чистая человеческая жалость, без ухмылок, притворства. С толикой родного, материнского. Я и этого не хочу. Жалость разрушает все то, что сам преодолел внутри себя. Глупая. Пытается со мной заговорить, проявить участие. Еще не хватало, чтобы по голове погладила, к груди прижала со словами «и это пройдет».

В прошлый раз принесла кусок пирога, печенье. Наверное, увидела, что на кухне шаром покати, пожалела. Я потихоньку вынес ее подарки во двор, скормил голубям. Не люблю выпечку. С детства. Давно бы избавился и от Рыжей – но жаль ее, в деньгах нуждается. Она чересчур скромно одевается, и вид уставший. Сержусь на себя, но отвечаю жалостью на жалость. Убирает она хорошо, особо не любопытничает, только вот сегодня ляпнула, мол, хреново выглядишь, чувак. Меня так и раздирало от желания наругать. Сдержался. Эй, она ни в чем не виновата. Это твоя боль и не имеет к ней никакого отношения.

Однажды я чуть не переспал с Рыжей. Лето было, праздничные выходные. Я в шортах лежу на диване, тупо уставившись в телевизор. Она, в тонком платице, моет окно. Вижу,

как пот стекает меж ее маленьких, крепких грудей. Замечаю, как она смотрит на мои плечи, ноги. В пространстве начала нарастать горячая волна, притягивающая нас друг к другу, хотя, уверен, для нее это неожиданность, да и она не в моем вкусе. Обычная похоть, ничего больше. Я напрягся, посмотрел на нее. Она – на меня. Тряпка выпала из ослабевшей руки Рыжей в ведро. Только прикоснулся к ней, как зазвонил телефон за каким-то лешим. И все мгновенно исчезло. Это было один раз и больше не повторялось.

Не люблю я эту квартиру. В ее стенах так много всего и одновременно так пусто. Лишь по кровати, душевой, туалету, кухонной раковине и холодильнику можно определить, что здесь кто-то живет. Все остальное – мертвая зона. Нетронутая, ледяная, хоть дом и обогревается. Засыпаю в иллюзии того, что файлы с прошлым заблокированы. Хотя мысли, великие предатели, до сих пор берут начало из событий того времени.

Нахожу полотенце, чтобы принять душ. Запиликал мобильный. Сообщение от Фернандо: «Старик, я больше не могу с ней». Мы любим тешиться иллюзиями. Ну давай поднимем свои задницы и пошлем куда подальше иллюзии, которыми разрисовали свои жизни! Хватит проводить время с мужчинами и женщинами, которых мы не любили и никогда не полюбим. Одиночество смеется над теми, кто прячется от

него в иллюзиях. Все равно вернемся к нему рано или поздно, разочарованные до последней капли крови.

Я стою под упругими струями и мысленно горячо убеждаю Фернандо и самого себя. В отношениях с людьми мы любим раздавать роли. Требовать актеров строго следовать нашей трактовке. И сами при этом играем самозабвенно. Потом кто-то рано или поздно захочет хотя бы часок побыть собой, а не персонажем. И в этот миг все развалится.

Моя семья считает меня сумасшедшим. Не впускаю их в свою жизнь, держу дистанцию. В отличие от старших братьев я не посещаю семейные мероприятия и пока не женюсь, хотя мне скоро тридцать два. Еще я читаю «шибко заумные книги», не люблю мамины пироги, не созваниваюсь с родственниками и делаю вид, что не замечаю их, встречая на улице. У каждого представителя родни свой диагноз касательно меня. Для матери я – «хороший парень, но дурной на голову». Для отца – «выродок», «не сын» и вообще «черт знает что». Братя, обвинив меня прежде в гомосексуализме, наркозависимости и педофилии, остановились на «зажравшемся тихушнике». Продолжение следует.

Я не обижаюсь, не злюсь. Мы разные, как жители разных планет. Через мать (она периодически проводит меня) прошу их оставить меня в покое. Мы с матерью похожи. Внешне. Те же карие глаза, мясистый нос, крупные пальцы. И это сходство усугубляется по мере того, как становлюсь старше. Она не замечает, я – да. Станные ощущения возникают, когда видишь, что ты похож на чужого человека. Я пытаюсь найти те самые нефизические узы, которые должны связывать ребенка с матерью. Их нет, кроме воспоминаний. Грустных.

Помню день, когда братья отравили Джеси, моего пуделя. Не просто собаку. Единственного друга. Она защищала меня, придавая уверенности, говорила со мной, спала в моих ногах, мирно посапывая, словно напоминала «малыш, я здесь, рядом». Братья ненавидели Джеси: «Он нас позорит такой девчачьей собакой». Однажды я пришел со школы, а она меня не встречает. Захожу в комнату. Джеси лежит под кроватью, смотрит на меня с тревогой, волнением, будто понимает, что вот-вот умрет и оставит меня одного. Я бегу к матери со слезами на глазах. Она на кухне, в фартуке с оранжевыми розами, довольная и суетливая. Опять чертовы пироги печет. «Мам, что с Джеси?!» Ее руки в муке. Месит тесто, что-то напевая под нос. «Мам, мам...» Она не слышит, не хочет слышать. «Вы с ней что-то сделали. Я знаю, знаю!» Вдруг она повернулась ко мне, посмотрела холодным взглядом. «Уходи, надоел ты мне».

Я хватаю Джеси, а из пасти кровь течет. Бегу к автобусной остановке. На улице мороз, гололедица, транспорт ходит с опозданием. Я плачу, подбегаю к проезжающим машинам: «Помогите, пожалуйста. Моя собака умирает». Притормозила зеленая легковушка. Мужик с густыми усами, лицо врезалось в память: «Садись, парень». Джеси умерла у меня на руках, когда мы стояли на светофоре. Шофер все же настоял, чтобы мы доехали до ветеринара: «Собаку, похоже, отрав-

вили». Помню тот холод в ногах и рисунок кафельного пола ветлечебницы.

Я ни с кем не говорю о своем детстве. Детские чувства всегда смешны, если они попадают в руки чужого. Завтра у моего отца день рождения. Вроде бы даже юбилей. Не буду звонить, не смогу. Что бы я ему сказал? Пожелал душевного равновесия? Смирения? Понимания? Мы даже не можем выслушать друг друга. Отец так и не простил мне, что я не поступил в военную академию, как он хотел. За меня это сделали братья. Сейчас они оба без работы, а я помогаю им и родителям. Моя совесть при каждом порыве забыть их гулко наставляет: «Уж лучше совершить тяжелых сто грехов, чем, став послушником, родителя обидеть и не прийти к нему в тяжелый час на зов». Это из серии внутренних истин, что сидят глубоко-глубоко. Всплывают именно в тот момент, когда меньше всего желаешь их вспоминать.

Вчера в метро услышал разговор двух пожилых женщин. Одна говорила другой: «Странно, почему людей оплакивают, когда они умирают, а детей не оплакивают, когда они вырастают. Ведь этого милого ребенка уже не будет, когда он вырастет». Я разозлился. Хотел вмешаться в их беседу. Хотел закричать, что тот ребенок, стоящий на кафельном полу ветлечебницы, все еще во мне. Изменилась лишь телесная оболочка. В остальном тот же страх разомкнуть крепко сжа-

тые теплые руки и чувствовать, как они холодеют.

Мы потрахались, я заплатил, всего хорошего. Но она не уходит. «Мало?» – «У проституток такое не спрашивают. Нам всегда мало». Хохочет, поправляя бретельки черного лифчика. Растянутый, с вульгарными золотистыми кружевами. У нее неважная грудь, но отличная задница, что, по сути, и требовалось. Я люблю анальный секс. «Сухомятку», если говорить на языке Эмили. Она так представилась. Мне плевать, как ее зовут, как она добралась, что испытывает. Оплата по тарифу «ол инклюдед».

Мне нужно ее тело, и мне не важно, стонет она от удовольствия или от боли. Вхожу в нее быстро, грубо. Эмили поворачивается ко мне, в глазах раздражение, которое прячет за натянутой улыбкой. «Осторожней, дорогой, не так быстро». Хватаю ее за затылок, с силой нагибаю ниже. Глубже. Набираю темп. Никаких смазок, ласк, прелюдий. Она раком, не вижу ее лица, глаз – так удобнее. Эмили капризничает: «Полегче, больно ведь». Я не хочу думать о том, кто что чувствует. Отключаюсь от всего за свои же деньги. Эмили вырывается, ласково и учтиво, как избалованная кошка. Придавливаю ее к спинке кровати. Клиент всегда прав. Кончаю. Мне хорошо. Теперь проваливай.

Я на кухне с открытыми окнами, за ними – процветший город. Грустит, кашляет. Большой город, в котором твои мечты сбываются у кого-то другого. Пусть. Давно не мечтаю. Я просто делаю шаги. То назад, то вперед. Живу здесь очень много лет. Когда что-то у тебя так долго, мысли о любви или нелюбви не приходят в голову, это уже часть тебя. Хотя даже не часть, часть ты чувствуешь, а вот твой город просто бежит по венам вместе с кровью, и ты о нем даже не думаешь. Ты им живешь.

Чайник закипел, заливаю пакетик в кружке. У многих после секса – сигарета, у меня – чай. Не очень крепкий. Без ничего. Я уже не помню о той, что одевается в комнате. Ее звали Эмили или Малена? Нет, Малена из фильма, вокруг нее Италия, да и сама героиня вне конкуренции. И вообще, какие могут быть параллели между этими ситуациями? Малена – не шлюха. Там, в кино, история о том, что зависть не умеет прощать, а здесь, в реальности, оптимистичная репетиция смерти.

Эмили появляется неожиданно, неслышными шагами. Смотрит на меня потухшим взглядом. Теперь передо мной поношенная женщина, а не бойкое создание в скандальном статусе проститутки. Ухмыляется. Значит, гонораром довольна. «Можно чаю?» Садится на табуретку. Ссутулилась. Косметика размазана по лицу. Ну чем не голая драма жиз-

ни? Какие уж там Италия, Малена, достоинство наперекор зависти и прочий кинематографический попкорн.

Сейчас сделаю первый глоток чая и выпровожу ее. «Хочешь, чтобы я убралась? Не парься, грузить не стану». Эй, совесть, заткнись, слышишь, заткнись! Не заводи песню о тяжелой доле потаскух. И почему-то в этот миг я вспоминаю о ней, частичке утраченного прошлого, и понимаю, что где-то внутри у меня еще есть горячие волны сочувствия, заботы и понимания. Мне просто не повезло: пролетело мимо, оставив следы воспоминаний. «Да нет. Сиди». Эмили протягивает руку, берет кружку с моим чаем, делает первый глоток, который должен был сделать я.

«Что-нибудь покрепче есть?» – «Нет». Не поднимая глаз, заправляет волосы за ухо. «Ты не подумай ничего лишнего. Кое-что спрошу и уйду... Я имею право любить?» Она сказала «имею право любить», а не «имею право на любовь». Вот где истинное бескорыстие: когда ты любишь, в себе, безмолвно, не задавая вопросов, не надеясь на ответ. Вот в чем главное преимущество женщины. Я скатываюсь в свою потаенную сентиментальность и уже совсем не чувствую раздражения. Она кажется мне не хуже любой другой девушки, может, ей просто тоже не везло. Прихожу в себя – а ее нет. Усталой девушки с сайта интимных услуг. Я не успел ответить. «Конечно».

Ставлю кружку с чаем в раковину, иду в душ. Хочу смыть мысли об ушедшей гостье. Пусть лучше она останется обычной шлюшкой, ничего особенного. И стонет фальшиво, и лобок побрит паршиво. Еще и философию развела за мои же деньги. Хрен с ней. Завтра много работы. Спать.

– Почему ты так себя изводишь?

Яна встает со своего раскладного стульчика, подходит ко мне. Крепкое жилистое тело, на плечах пигментные пятна. У нее тяжелая походка – по-мужски широко расставляет ноги. Одна рука на поясе, другой крутит желтый свисток. Он контрастирует с темно-синим цветом ее спортивного костюма.

– Нельзя так, слышишь? Что стряслось?

Промокаю полотенцем мокрое лицо, смотрю на обложку книги, оставленную ею на стуле. «На маяк» Вирджинии Вульф. Неудивительный выбор. Яна – лесбиянка. Она говорит, что стала ею после того, как разочаровалась в мужчинах. «Ты не обижайся, но мужики – скоты. У них мозги либо ниже пояса, либо их вообще нет».

Я не обижаюсь, я и сам от мужчин не в восторге. Муж Яны бросил ее, когда узнал, что у их сына определили синдром Дауна. «Представляешь, и он сказал, мол, прости, так дальше продолжаться не может, мне на ребенка тяжело смотреть. Я собрала вещи, сына, уехала к подруге в тот же день. Мы вышли из квартиры, он спокойно запер дверь. Будто почта-

льона проводил».

Она одна воспитывает Дениса. По утрам работает продавщицей, по вечерам тренером по плаванию. Учит мужчин держаться на воде. В нашем клубе Яна считается лучшим преподавателем. Не зря, двукратный чемпион России по плаванию. «Долгое время еще я ненавидела мужиков. А потом поняла – зря. Нельзя всех под одну гребенку, неправильно. Вот я и научилась жить за себя, а не за кого-то».

Я тоже хочу жить за себя, не за кого-то. Придумать себе офигенный смысл жизни и верить в него по собственному желанию. Пока я верю в то, что есть сейчас. В пространство, ощущение, в котором нахожусь на данный момент. Каждое утро открываю окно и заполняю себя новым днем. Таким, какой он есть. Когда-то в детстве мой дедушка, отстреливая воробьев с отяжелевших крон дерева хурмы, говорил мне: «Малыш, без умения обладать временем невозможно владеть собой». Я тогда не понимал этих слов, но почему-то запомнил их, вызубрил назубок. Понадобились. Дедушка прожил достойную жизнь – войну прошел, детей вырастил, не одно дерево посадил. Его единственный внук не сделал ничего подобного. Стоп. Я оттрахал немало телок, это считается? Иногда лучше не знать, чем все закончится.

А поэтому мне нужно научиться жить так, чтобы все про-

ходило не мимо, а через меня. Прощаюсь с Яной. Она шлепает меня по заднице. Интересно, делают ли лесбиянки мимет?

Я бы дольше находился под водой, будь у меня здоровые легкие, не прокуренные. Здесь пространство расширяется. Куда-то выплываешь из своей памяти, и в сознании все сложнее восстановить персональные приметы. Однажды вечером я пришел в бассейн выпивший. Решил свести счеты с жизнью. Нырнул, осмотрелся вокруг, увидел *ее*. Она сидела в углу бассейна – бледная, грустная, обнаженная. Крепко прижимая колени к груди. Пару минут мы держались друг за друга взглядами, а потом *она* сказала: «Можно как-то иначе, но я делаю так, потому что так могу дольше быть рядом с тобой». Опустила глаза.

Я испугался, что, потеряв *ее* взгляд, потеряю и *ее*. Двинулся к *ней*, попытался что-то прокричать. Начал захлебываться, потом вода вокруг окрасилась в черный цвет. Меня спасла Яна. Открыв глаза, я спросил у нее: «Зачем?» Она ответила почти шепотом, а не привычным басом: «Так будет разумнее». С тех пор я соблюдаю эту чертову разумность. С удовольствием послал бы *ее*, но понимаю, что сейчас это тот самый барьер, сдерживающий внутреннее безумие. Часто мне хочется верить, что я нахожусь на последней стадии выздоровления, когда критическое восприятие реальности берет

верх над ностальгией, воспоминаниями.

Я плаваю два раза в неделю, мое утро начинается со стакана теплой воды с медом, я ем салаты из проросшей пшеницы, пользуюсь презервативами, чищу зубы три раза на день. Покорить вершину одиночества – значит примириться с великой иллюзией правильности своего пути. Не исключено, что тебе вдруг захочется дожить эту жизнь здоровым, и доживать ее подольше, ограничиваясь любыми собственными мотивами. Это все-таки лучше, чем вернуться домой и вместо того, чтобы съесть что-нибудь легкое на ужин, думать, какое же ты дерьмо и как ты никому не нужен.

Отари, как фокусник, держит за уши белого зайца с красными глазами, товар демонстрирует, мол, побалуйте себя свежей крольчатиной, только кивните, и я мигом разделаюсь с заветной тушкой. «Я их кабачками подкармливаю. От них мясо делается особенно мягким и сочным. Ну же, берите!» У Отари седые бакенбарды, хищные глаза. Он мечтает умереть в одной из глухих деревушек Ливана, где провел одно лето из своего детства. Там не смотрят телевизор, не пользуются мобильными телефонами. «Почему именно там?» – «Там я в первый раз влюбился». А еще Отари всегда глубокомысленно отвечает на вопрос «как поживаете?». Например, откладывает в сторону газету и с театральной мимикой отвечает: «И на безрыбье – жопа соловей!»

Я молча протягиваю ему деньги, забираю кролика. Он был последний в коробке, наверняка его сегодня зарезали бы. Пара грязных банкнот – цена одной жизни. Да, это всего лишь кролик, но даже в их, казалось бы, обреченных жизнях участвует судьба. Из коробки с дюжиной ушастых братьев выжил только тот, что сейчас дрожит в моей плетеной сумке. Почему я его выкупил? Чтобы оправдать свое отчаяние? Каждая проходящая минута – это уходящий шанс изменить многое, если не все. Но всегда легче что-либо поменять в

чужой жизни, не в своей. Я и не стремлюсь быть счастливым, предпочитаю просто жить. Высокие планки чаще всего темные приманки.

Мы идем с кроликом домой, он пригрелся у меня под боком. Уже не дрожит. Во дворе молодая соседка-американка Джулия гуляет с маленькой дочерью. Они въезжали в наш дом в тот день, когда ко мне переезжала *она*. Мы долго в приступе взаимной вежливости уступали друг другу грузовой лифт. В итоге он никому не достался – что-то замкнуло, отключили свет. А мы еще два часа сидели в фойе подъезда на чемоданах и ящиках, болтали и даже заказали пиццу из ближайшего ресторанчика.

«Джулия, простите, когда у вашей дочери день рождения?» – «О, в эту среду! Завтра будем печь абрикосовый кейк, заходите в гости». – «Постараюсь. А можно я заранее преподнесу ей подарок?» Я приоткрываю свою корзинку, и они обе охают. Ошавевший от новых впечатлений кролик быстро успокаивается в объятиях кучерявой малышки... Сегодня вечером оттепель и грязь со снегом, но запах такой свежий, весенний. Я, кажется, даже почувствовал аромат жасмина, это было так непривычно, что я остановился и пару минут вертел головой.

Иногда кажется, что я совсем ничего не достиг. Что упу-

щений и потерь было больше, чем достижений и побед. Это чувство настолько отвратительно, что я старательно избегаю любого на него намека. Не брать в голову – незачем подпускать его так близко. Я понимаю, что прячу голову в песок, обманываю самого себя, и в этом есть что-то патологическое. Мне вообще сложнее оглянуться назад, чем смотреть вперед. В конце концов, не знать, что тебя ждет, – самый что ни на есть концентрированный кайф. Единственный способ узнать – попробовать. В таких мыслях я нахожу временное успокоение.

Захожу в лифт и чувствую запах кролика. Как он на новом месте? А меня ждут безмолвный дом, горячий душ, сигарета на пустой кухне, где из звуков только дыхание и шум закипающего чайника. Порой кажется, что он – единственное существо, которое чувствует меня таким, какой я есть, тогда как каждый видит таким, каким кажусь.

В жизни люди периодически рассыпаются на кусочки, а потом собираются, и получается новая картинка. Не знаю, какая я картинка, – я все время по кусочкам. Иногда они крупнее, и тогда я чувствую себя лучше, и кажется, что вот-вот наступит какое-то гармоничное благоразумие. А иногда они такие мелкие, что я вообще не понимаю, что делать с этими крошками. Изматывает. Мне хотелось бы выпрямить спину, не горбиться – так бы жить всегда. Но вечером я воз-

вращаюсь домой, понимаю, что не нашел ответов за день, и снова рассыпаюсь. Жизнь врассыпную. Вплоть до финального свистка.

У меня мертвая сперма. Врач-андролог азиатского происхождения хладнокровно произнес: «Диагноз – некроспермия», и мне почему-то резко захотелось какао. Не пил его с детства. В школе готовили совсем невкусное какао, я воротил нос и брал чай. Но именно сейчас мне до непрекращающегося озноба хочется того самого невкусного какао. Горечь правды?..

Девяносто четыре процента неподвижных сперматозоидов, от оставшихся шести ни одна женщина не забеременеет. Во всяком случае, без медицинского вмешательства. «Воспаления на данный момент у вас нет. Это болезнь генетического характера или от сильного стресса. От вас беременели женщины?» И я вспоминаю нас в брize утраченного майского утра. Я проснулся от пристального взгляда. Приподнявшись на локте, она смотрела на меня с бесконечным ощущением жизни. В комнате пахло хвоей, остатками теплого расцвета. «У нас будет ребенок».

Я спросонья не сразу понял всей сути ее слов. На мгновение мне в порыве чего-то неожиданно-ненастного захотелось убежать подальше. Сдержался. И с окаменелостью острой паники внутри, пробурчал: «Это хорошо». Она рассмеялась, укрылась мягкой простыней. «Не волнуйся, я от тебя ничего

не требую». Притянул ее к себе. «А я – требую». Черт, это было так недавно и одновременно давно. Я не хочу, чтобы ты имела какую-нибудь форму, была именно тем, что начинается до воспоминания.

Выбегаю из кабинета. Здесь пахнет васabi и истребленными японскими дельфинами. Бегу быстро, без оглядки, люди и предметы сливаются в спектр. Немаленькая сумма за плохую новость. Или хорошую? На моем продолжении поставлена точка. Никаких многоточий. Это возмездие времени. За то, что я не остановил отчаяние той женщины с грудным ребенком на перроне. Она убила себя и свою частичку в двух шагах от меня. Мне стоило только протянуть руку.

Виктория открывает дверь с хмурым лицом. Вся такая мягкая, сонная. Даже красивая. «Какого черта ты приперся в такую рань? Суббота ведь!» Из-под сиреневого халатика выглядывает белоснежная грудь с выпуклыми розовыми сосками. Захожу в ее маленькую квартиру. Здесь пахнет кошками и цветочными духами. Каляки-маляки, головоноги на обоях прихожей. В доме есть ребенок? «Тебе кофе сделать?» Она всегда пьет кофе по утрам и после секса. Виктория – не молоденькая, но молодится. Около тридцатишести – тридцативосьми лет. Живет с сестрой, работает менеджером по продажам в нашей конторе. Забавная бабца. Трахается отлично, лишних вопросов не задает. Когда-то она мне нравилась,

сейчас – ненавижу. Такой тихой ненавистью, когда хочешь сделать больно даже на расстоянии.

Хватаю ее за талию, с силой бросаю на кровать. Задираю халат, раздвигаю ее ноги и впиваюсь ртом в вагину. Сухую и такую же сонную, как ее хозяйка. Вокруг нее отросшие волоски, колются. И я колюсь своей трехдневной щетиной. Чем больше Виктория брыкается, тем сильнее твердеет мой член. «Сумасшедший, отстань...» Злюсь. «Ты же хотела от меня ребенка, да? Хотела?» – «Проваливай, скотина!»

...В прошлую нашу встречу Виктория посоветовала мне сдать анализ на бесплодие. В шутку? «Мы который раз без презерватива, а я не беременею. Сходила к врачу, она говорит, здорова. Малыш, твоя сперма что-то шалит». Блин, тяжелый случай, пора сваливать. «Ты хочешь от меня ребенка?» Виктория распоряжается своим будущим, как товаром нашей компании. «А чем ты плох? Симпатяга, книжки читаешь. В моем возрасте выбирать не приходится». Я не знаю почему, но спустя неделю я дрович на потрепанный Hustler с силиконовой брюнеткой на обложке с призывом «Bang me!». Теплая сперма в холодную пробирку. Брр, ужасные ощущения!..

Виктория размякает. Я дрович над ее влагалищем и через пару минут кончаю на нее мертвой спермой. Она улыбает-

ся, я – застегиваю ширинку. Она растирает пальцами густые брызги и засовывает липкие пальцы в себя. У каждого своя правда, но истина всегда одна.

Перед тем как спуститься в метро, я курю у зимней набережной. Туман, влажный ветер бьет в лицо. Волны ворочаются под потрескавшейся коркой льда, уходят вдаль, исчезая в белом молоке нависшего тумана. Ну край мира, просто край мира.

Я не иду в банк. В этот раз беру машину напрокат и сам отправляюсь туда, куда с разной частотой хочется вернуться всем. Город детства. Он в пяти часах езды от бьющего наповал мегаполиса, где каждую ночь тысячи женщин отворачиваются к стенке с одной мыслью «ну обними же, обними», где каждое утро тысячи мужчин просыпаются с мыслью о том, какую сегодня придумать причину для позднего возвращения домой.

Рыжий «Опель» с выцветшими кожаными сиденьями. Оптимальный вариант для дорог, по которым мне предстоит ехать. Инфраструктуры здесь хромают. Зато в городе моего детства есть море, есть рыбаки с печальными глазами и их шаловливые детишки – они скоро вырастут, уедут в мегаполис за иллюзией счастья. Еще здесь много солнца, оно на ладони неба, на него можно смотреть со всех сторон, здания-высотки не помеха.

Я хорошо помню этот город, хотя все детство провел в себе, в своей голове, в постоянной уборке. То одну мысль подвину, то другую. Тут вытру пяточок, а это выброшу. Лабиринты моего маленького мира с созвездием Большой верной собаки. Такой верной, что отзывается даже на команду по-

лузакрытых глаз.

Там было все так, как нужно. А почему было? Мне кажется, из детства я выехал, а вот до пункта назначения – «взрослости» – не добрался. Так и живу в автобусе. Временами думаю, что моего детства в виде маленького домика с солеными стенами уже практически нет. Он совсем состарился. А ведь если долго не ухаживать за домом, не подкручивать, не подкрашивать, если в нем не жить, то он рассыплется. И в какой-то момент становится выгоднее снести этот дом, чем починить.

Мы переехали отсюда, когда мне было шесть лет. Отцу предложили работу в холодном городе на северо-востоке. Там я научился по кусочкам отщипывать воспоминания о солнце, скормливать их воронам. Сначала я думал, что жизнь без желтого диска над головой научит меня больше любить, ценить его. Со временем понял: смогу жить-дышать дальше, как только перестану думать только о том, что я люблю, а не о том, что любит меня. Как запутанно получилось. О детстве иначе говорить сложно. Клубок, который со временем разматывается, и нить то сгибается, то выпрямляется.

Сейчас там меня ждет двоюродная сестра. Клюква. Я ее так называл – у нее щеки горят красным, словно две большие клюквы на снегу белой кожи. Она действительно ждет.

У нее двое пацанов, близнецы, и много грусти. Ничего в ее жизни не сложилось, кроме детей. Родители, мои дядя с тетей, возненавидели дочь. Не досмотрела за маленьким братом, любимчиком семейства, он захлебнулся в море. Жизнь Клюквы ушла вместе с жизнью брата. Сейчас ее дыхание – это мы. Двое сыновей и я. С ними делю то, что зарабатываю. «Если бы не ты, мы бы погибли». Она повторяет это каждую нашу встречу, а я грубо затыкаю ее. Боюсь не вытянуть такой ответственности. Ей одной трудно с пацанами. Но она, молодец, справляется. «Разве это их вина, что я пришла к ним конченной?»

Соскучился. Не так часто приезжаю к Клюкве, ограничиваюсь банковскими переводами. Но когда они рядом со мной, я превращаюсь в нечто другое, становлюсь доброжелательнее, чище. И это превращение делает меня уязвимым, как в детстве. Тогда хочется бежать, прятаться. Я пытаюсь противостоять этому, ведь знаю, что с ними становлюсь таким, каким должен быть человек, мужчина. И каждый раз так сложно отдаляться от них, возвращаться в свое одиночество, к маске цинизма.

Мы с Клюквой курим в саду дома. Сидим на скамейке, смотрим куда-то вдаль. Наши задумчивые взгляды пробивают забор, соседний дом и все прочие преграды. Много путей на гору, а вид с горы все равно одинаковый. Я взмок от жары, весь расплываюсь, а она сухая, непринужденная. Чрезмерно спокойная или безразличная? Она будто хочет сказать: «Ты ни черта не понимаешь в моей войне с жизнью».

Кожа сестры загорелая, стянутая от здешнего безжалостного солнца. Она худая и крепкая, точная копия тети, сестры отца. «Знаешь, Африка, я не представляю себя в другом месте. Вопреки всему, я считаю, мне с детьми нужно быть здесь. Я просыпаюсь каждое утро, поливаю баклажаны, и черт знает в какой раз понимаю: вот это мое солнце, мое небо, мое море. Моя земля. Все, что за этим, – не наше. Да, красивое, комфортное, но не мое, чужое. Понимаешь?» Она с детства называет меня Африка – «ты такой же теплый, но одновременно далекий», и любая ее речь заканчивается просительным «понимаешь». Моя сестра, мой друг. Моя.

У наших ног спит Хумейра, собака Клюквы. У нее три лапы, а в глазах словно снег растаял. Сестра подобрала ее прошлой зимой на пороге жизни и смерти. Хумейра молча

лежала в овраге, истекая кровью. Кто-то покалечил ей лапу, потеряв которую, она нашла самое важное. Своего человека. И у людей, и у собак одно желание – быть любимыми. «Не знаю, сестра. Я пока не задумываюсь о том, где я должен быть. Но мне здесь хорошо». И Клюква улыбается, накрыв мою руку своей маленькой ладошкой.

Сегодня я приехал на родину своего детства. Никогда не задумывался серьезно, что это такое. Все же родной город – это высокая концентрация впечатлений. Не чего-то определенного, а всего сразу. Сильного, слабого, радостного и печального – таким мощным потоком, что просто захлебываешься.

Когда-то я был здесь счастлив. Летом мы приезжали сюда, к тете, и я обретал ту самую свободу, которой лишены дети мегаполисов. Я гулял с высоко запрокинутой головой, рассматривал сквозь осколок зеленого бутылочного стекла корабли из облаков. Ближе к концу ужина я уже засыпал на стуле, и тетя, от платья которой пахло булочками с вишневым джемом, брала меня на руки, уносила в спальню. А там любимая кровать, накрахмаленное белье хрустит, любимые носки с собачьей вышивкой и так тесно задернутые занавеси, что темные кроны деревьев за окном больше не пугали.

Почему-то летними ночами я засыпал с мыслью о приближающемся Новом годе. О времени, когда снежный вихрь

разрисует окна узорами, а я буду разгадывать их, как ребусы, и в итоге они непременно сложатся во что-нибудь трогательное. Детство, прошлое – неизлечимо.

«Ты молодец, что приехал. И дети, видел же, как обрадовались. Ты как, все по-прежнему один? Африка, не забывай, а что судьбе надо противостоять, что ее надо выбирать, а не плыть по течению, что счастье можно вылепить собственными руками... Мне кажется, ты сдаешься. Если уже не сдался». Кладу себе еще одну кукурузную лепешку. Она пахнет семечками и посыпана молотым кориандром.

– Клюква, ты знала, что счастье по-индонезийски – «сука»?

Снимает с плиты закипевший чайник, разводит мне еще одну кружку малинового морса с мятой.

– Ты вместо того чтобы стебаться, лучше женись или давай сюда переезжай. Кто в городе за тобой ухаживает? Волнуюсь я за тебя. Я не понимаю, что ты делаешь.

– Что? Хм... Все пытаюсь раздробить камень в груди, но не получается.

– А ты поосторожнее, Африка: разбивая камень, не задень сердце.

Я нахожусь здесь, на подсознательном уровне торопя время. Быстрее бы вернуться туда, в свое одиночество. Сейчас самым адекватным кажется просто уехать отсюда. Это всегда кажется правильным взамен притяннутому за уши соблюдению приличий. Не из-за того, что с ними мне плохо. Когда делаешь все так, как хочет даже самый родной человек, — это не то чтобы неинтересно, но это же элементарно не твоя жизнь, и рано или поздно это обернется разочарованием.

– Положишь мне с собой лепешек?

– А ты разве уезжать собрался?

– Да, Клюква, мне пора.

Она отводит разочарованный взгляд, закусывает губу. Молчит пару минут.

– Так трудно найти нужные слова, чтобы удержать тебя. Наверное, это из-за того, что я понимаю бессмысленность этих попыток.

– Пойду собираться, — роняю я и выскальзываю из кухни, опасаясь растерять решимость.

Кондиционер в машине выдохся, раскаленное железо – и ты в нем. Странно, но я уже не ощущаю здешней жары, хотя снаружи вот-вот расплавлюсь. Полтора часа в дороге, под мышками и между ног почти море, из открытых окон – знойное марево. Соскучился по этому пеклу. Оно же из детства, когда я бегал босиком по горячему песку, вытирал заляпаные тутовником руки о белую безрукавку и боялся ходить в туалет, где вместо унитаза была гулкая дыра, из-за угрозы появления ужей.

Они частенько наведывались в тетин дом, море ведь было в десяти метрах. Переползали неширокую дорогу, и все. «Они приходят, чтобы проследить, не много ли вы съели арахисовых батончиков». Так тетя объясняла появление ужей. С тех пор я не ем шоколад, не посещаю террариумы. В детстве для счастья достаточно было одного мороженого.

Бензин на исходе. Въезжаю на заправку. «Полный бак?» – «Да, пожалуйста». Я иду к кассе, она в центре магазина. Душное помещение, вентилятор на потолке, утомленный кот на подоконнике и грузный мужик за кассой. Рядом стеллаж со вчерашними газетами. «Бананы от Обамы. Семья президента США выращивает фрукты и овощи у Белого дома». Ну а где ж им еще выращивать? Какая тоска. Кассир вместе со

мною смотрит на газету, ухмыляется, мол, счастье не пи... дец, само не приходит.

Беру из холодильной камеры два Dr Pepper, бутылку обычной воды и арахисовый батончик. Дань воспоминаниям. «С вас тридцать восемь пятьдесят... Какими судьбами в наших краях?» Обычный для этих краев любезный расспрос. «Приехал отпустить прошлое». Разглядывая кота, я сам не заметил, как сказал то, что редко говорю. Мужик заметно удивился такому личному ответу, даже привстал со стула, похлопал меня по плечу, перегнувшись через прилавок: «Братишка, если прошлое не отпускает, то оно еще не прошло!» Сам рассмеялся своей остроте и высыпал сдачу на тарелку. Горькие слова, но правдивые. «Оставьте, – говорю я. – И батончик возьмите себе, пожалуйста, мне что-то совсем сладкого не хочется... Всего доброго».

Отъезжая с заправки, пристально смотрю в зеркало заднего вида. Запоминаю картинки. Включаю радио, из колонок льется «Falling into you» Дион. Я покидаю этот город с одним-единственным сожалением: я не успел привезти *ее* сюда. Когда женщина решает отдаться мужчине, то она непременно хочет познать его истоки. Отдаться это не единичное физическое действие, это процесс, прорастание в то, что становится самым родным. Женщине оно необходимо: знать, каким был его день до теперь уже их дня. Это для мужчины

постыдно, обнимая женщину, заглядывать туда, где живут события и люди, раньше бывшие для нее настоящими.

Она хотела понять меня вчерашнего, когда мы еще только шли друг к другу. Понять для нее было тем, чего нельзя спрашивать, но можно узнать, увидев или притронувшись. Находясь в сегодняшнем дне, она не вычеркивала все тягостное изо дня вчерашнего. В этом тягостном зачастую скрыт ответ.

Я еду спокойно, без спешки, смотрю только вперед, не желая замечать ничего вокруг. Голова переполнена воспоминаниями двухгодичной давности. Как *ее* не стало. Как потом не стало той женщины с ребенком. Здесь, вдалеке от эпицентров этих происшествий, все кажется еще более несправедливым. Даже быть лицом к лицу со случившимся не так болезненно, как попытаться убежать от него.

По мере того как я приближаюсь к мегаполису, я снова возвращаюсь к мысли, что проще не любить, не хотеть, не знать – не быть самим собой, быть кем-то другим. Пусть унижают другого, пусть бьют и жгут заживо его, но не тебя, ибо тебя просто нет. Есть некто другой, склеенный из боли утраченного и попыток жить заново. Опустошенный и чего-то ждущий.

– Клюква, скажи, ждать-то стоит?

– Стоит. Главное, в процессе ожидания не утрачивать чувства меры. Чем дольше ты ждешь, тем больше вероятность, что ты ждешь не там.

– И нет этому никакого оправдания?

– Почему же, Африка, есть! Иногда просто нужно больше времени. Нужно твердо знать, чего ты хочешь, и не отказываться от действий. Но если изменишь себе, откажешься от ожидания, то упустишь самое главное, самое нужное. А без него ни ждать не стоит, ни жить вообще.

Не жалуясь на одиночество. Зачем, если его во мне с избытком? Мы никогда не думаем о том, чего много в настоящем. Нас вечно тянет в противоположные стороны: иногда вперед, чаще – назад. Пора бы научиться не плакать по прошедшим снам, тем более что они в чем-то были кошмарами. Вот как оно есть, так и есть. Как все идет, так и идет. Не слепой фатализм. Скорее, попытка сжиться со своими состояниями. Удручающими зачастую.

Я давно не вижу ничего плохого в собственном одиночестве. Люди сильно преувеличивают значение отношений двух людей. Да, это важно, но не так важно, чтобы растворяться в терзаниях, как шипучка в стакане воды. Все гораздо проще. Есть – значит, хорошо, нет – значит, будет. А если не будет, значит, так оно должно было быть. Или не так уж сильно хотелось. По временам полезно отдаваться потоку. Цепляясь за что-то, мы пропускаем более важное.

Конечно, в моем одиночестве нет вселенских масштабов. Все гораздо меньше, но от этого не менее болезненно. Мое одиночество мужское. Внутреннее. Без озвучивания мыслей, все про себя, пусть даже с немалым количеством физических контактов. Наше одиночество направленно внутрь. Не зря слово «эгоизм» мужского рода. Женщины считают,

что мужчины редко способны любить кого-то, кроме себя. Мол, они сами виноваты, так как выбирают свою дурацкую свободу. Эфемерную свободу, когда не имеешь обязательств перед семьей, имея возможность в любое время залечь перед телевизором с банкой пива. «Если любишь и заботишься о ком-то, даже если это безответная любовь, ты счастлив. Мужчинам такое счастье вообще не дано», – говорят женщины, и не мне стараться их разубедить.

По мне, так мужское одиночество тяжелее – из-за неиссякаемой силы, которая должна быть в нас, по всеобщему мнению. Тебе непозволительно говорить об усталости. Нельзя, ты же мужик! И тогда слова остаются в тебе, превращаются в плотные серые сугробы, которые не тают и с наступлением весны, и значительно позже. Потом переизбыток невысказанного заставляет отдалиться, уйти, потому что так легче, так не ждешь ничего ни от кого, тебя никто не оценивает.

Когда-то, в самом начале своих темных прибоев, я боролся с нашествием легиона немых слов. Пытался говорить, вытряхивал из себя то, что осталось под рукавами мыслепроизводства. Люди делились на тех, кто слушал, и тех, кто пытался слушать. В результате все они отставали от моей истории, становились предсказуемыми рифмами к моим словам или вовсе уходили, убегая от моей опасной откровенности. Потом я резко прекратил попытки. Поддержку нужно искать не в друге или сигарете. В самом себе.

Снимаю кеды, раздеваюсь, заталкиваю всю одежду в стиралку. Надо вымыть, отстирать воспоминания. Вытаскиваю из сумки контейнер с лепешками Клюквы – съем на ужин, в холодильнике все равно пусто. Хорошо, что дома чисто. Рыжая постаралась и опять записочку оставила. Эпистолярный роман прямо. «Убралась. Купила чистящие средства, хлеб. До встречи». Ну, убралась – и до встречи, дуреха.

Несмотря на пустоту в квартире, я рад возвращению сюда. Может, из-за того, что здесь воспоминания? В них теплее, чем в настоящем. А может, в прошлом ничего нет, кроме самообмана? Клюква считает, что мужчины неподвластны самообману. «Женщины так годами могут жить. Привыкают к нему, обслуживают его, без любви, в глубоком отчаянии, потеряв себя, ради какой-то идеи – ради брака, ради детей, ради черта лысого. А у мужчин все проще. Они радуются жизни, иногда только позволив себе полить слезы над поступками, которые так и не совершили». Смотреть на себя глазами Клюквы очень необычно, с трудом себя узнаю, как в кривом зеркале.

Кажется, я проживаю свою жизнь по чужому расписанию. Будто с той самой точки, когда нас с *ней* безжалостно разделили на два разных мира, все пошло наперекосяк. И теперь я послушно играю по готовому сценарию. Но мне почему-то

совершенно беспочвенно верится в то, что, как бы хреново ни было, это пройдет. Исход в любом случае будет другим, чем-то новым. В вопросе, полон стакан наполовину или пуст, я предпочитаю вариант ответа «в стакане есть вода». Главное, что вода еще есть. Обнадеживающий реализм?..

У меня день рождения, и я сижу, чуть пьяный, под айвовым деревом. Трава еще влажная после вчерашних дождей. Постелил под себя сегодняшнюю газету, она толще и тяжелее обычной – субботний выпуск. Так что пока под задницей сухо. Только бока туфель потемнели в зеленой гуще. Этот парк раскинулся в центре города, но в нем такая тишина, будто он отгорожен от суеты невидимым, но могучим забором.

На мне мятый костюм, галстук болтается развязанный, несвежая рубашка. Мобильный разрядился, значит, не будет звонков с дежурными пожеланиями. Хотя кто может звонить, если у меня вообще никого нет? И это совсем не грустно. Из общества я уволен по собственному желанию. Я давно не отмечаю дни рождения, всяческими способами стараюсь скрыться в этот день. К счастью, на работе не принято отмечать такие дни гулянками. Давно ушел от самого себя в себя же. Впрочем, давно – понятие относительное. По календарю прошло два года, а как? А по мне каждый день равен месяцу. Выходит, почти две тысячи лет. Со дня *ее* смерти.

И сегодня я сижу, уставившись в одну точку, вспоминая *ее* улыбку, *ее* слова. Живую. Губы непроизвольно произносят «люблю-люблю-люблю», а сразу затем какой-то голос в

голове твердит «забудь-забудь-забудь». В прошлую оттепель я выходил из машины, было яркое солнце и пухлощекая девочка на перекрестке, разбивая лед носком ботинка, чтобы он летел широким веером на мостовую, прокричала подруге: «Хватит зимы. Красиво, но хватит!» Вот и мне сейчас хочется выкрикнуть: «Хватит!» Потому что я не хочу больше никакой красоты без *нее*! Детские обиды. Но сегодня меня подмывает раскиснуть, окунуться в то, чего не вернуть. И пусть бы это был последний рывок, который удалит несчетное количество воспоминаний... Перестанет ли сквозить пронзительной болью в сердце? А почему я пытаюсь перестать помнить? И почему прошлое – такая зараза, что не выветривается вообще, даже когда жизненно необходимо?

День рождения как персональный Новый год. Можно подводить итоги, строить планы. У меня их вроде бы нет. Хотя... Где-то в глубине пустого душевного колодца осталось желание, чтобы у солнца в моей жизни наконец раскрылся парашют и чтобы я помнил *ее* без горечи утраты. Я загадываю это желание сейчас, про себя, мысленно задуваю свечи несуществующего торта. В памяти всплывает текст утренней эсэмэски Клюквы. «Очень важно – быть довольным: миром вокруг, своим местом в нем. Самое главное в жизни – все заранее простить, Африка. Люблю тебя». Переполняюсь к себе таким чувством гадливости, что хочется стать тараканом и броситься под тапок. Своими страданиями я делаю больно

тем, кто пытается быть со мной рядом.

Мои дни рождения мы никогда не проводили дома. Однажды *она* взяла на пару суток машину, села за руль, усадила меня рядом, и мы уехали. Без готового маршрута, куда-то за город. Мы ехали по узким горным дорогам, я глядел вниз, наслаждаясь белоснежным сиянием весеннего моря. Она рассказывала что-то самое тривиальное, как правило, из детства, а я улыбался, курил, смотрел, как ветер из открытого окна играет ее волосами, и был счастлив именно в этом мгновении. Здесь и сейчас. Все же поток времени – не мое кино. У меня – мгновения.

Потом мы заехали в ресторанчик под открытым небом, *она* выбрала в витрине фруктовую выпечку, сама воткнула в нее свечку, попросила задуть. А я не успел, меня опередил шаловливый весенний бриз. Когда мы только познакомились, я попросил ее: «Опиши себя одним словом». Она сказала: «Бриз». Мы были противоположностями. Совершенно разные, но при этом до невозможности близкие. «А я уважаю различия, дорогой. По-настоящему никто не может встать на место другого, но мы можем попытаться понять друг друга лучше и стать еще ближе».

Сейчас у меня нет своего места. Я покинул его, прижался к *тебе*, пытаюсь удержаться рядом, на *твоем* месте, и с каждым днем пространства становится меньше. Болезнен-

ные попытки устоять.

Судьба подкидывает дилеммы, и всегда приходится выбирать – одно теряем, другое приобретаем. К черту разговоры о гармонии. Ее нет. Есть баланс между потерями и приобретениями.

Продолжительное счастье приходит к тем, кто крепко держится за его мгновения. Это как долго пыhtеть над пазлом, пытаясь сложить из маленьких ярких эпизодов большую красочную картинку. Устаешь примерять разные детали к одному образу, вот-вот все перемешаешь в отчаянии, как – бах! – сложилось, и линия верного пути вырисовывается. Чтобы состояние феерического счастья не обернулось рутиной, обязательно должны случаться приступы дикой тоски.

Не задумываюсь о том, является ли данный отрезок затянувшимся приступом той тоски или чередой муторно-логических цепочек. Выбор сделан – просто продолжать двигаться. Жизнь в чистом виде, без смысловых галлюцинаций. Если раньше моя жизнь выстраивалась сама по себе по кривым начертаным линиям, то теперь все приняло абсолютно другой оборот. Мне даже не интересно, чем это закончится. Если бы все управлялось строгим законом причины и следствия и всегда было бы возможно предсказать исход, мы сами стали бы только сборищем бездушных механических игрушек. А сейчас – не зная, что за поворотом – мы ведем волнующую игру. Это как сдавать экзамен по предмету, который знаешь нетвердо, и получить очередной вопрос, ответа

на который не знаешь.

Живу в замкнутом пространстве со сглаженными углами. В руках Фаулз – я преследую *тебя* по оставленным следам. Любимые книги *ты* покупала в двух экземплярах. Одну ставила на полку, вторую читала, делая в ней пометки. «Несмотря на внешнюю независимость, она не могла без опоры. Всю жизнь стремилась это опровергнуть – и тем самым подтверждала. Будто морской анемон – тронь, и он присосется к руке». Через буквы под желтым маркером проникаю в *тебя* снова, и *ты* раскрываешься для меня другой. Родная вроде бы, но при этом далекая, еще более глубокая, чем я знал. Я старался быть твоей опорой. Наверное, у меня это получалось, раз *ты* всегда засыпала за моей спиной, прижимаясь так сильно, что *твое* дыхание отзывалось во мне бархатными ударами.

Вот *твои* слова: «Ты – это всё». От этих слов становилось страшно. Боялся подвести. Мужчина, даже несмотря на броню эгоизма, понимает, что женщина лучше. Просто мы не признаем этого вслух – солидарность из поколения в поколение. Вдруг это помешает вам уважать нас, считать нас мужчинами? Хотя мужчина – это далеко не член между ног, это еще и заботливое желание прикрыть окно, когда она замерзла, но молчит об этом. Мужчина – это тревога за нее, даже когда они не вместе.

Когда мы пришли друг к другу, я не воспринимал того, что принято называть «отношениями». Верил в контакт, в страстную вспышку между двумя людьми, в красивый флирт, который, если позволят обстоятельства, завершится постелью. Это был для меня конец фильма, дальше только титры и – всем спасибо.

– В определенный период жизни мы встречаемся с определенным человеком, необходимым именно в этот период. Такой странный закон притяжения, такое взаимовыгодное спасение. Проводим определенное время вместе, потом обязательно расстаемся. Потому что каждому из нас надо идти дальше, входить в новый, следующий период своей судьбы. Брак придуман для ленивых, которым легче остановиться на полпути, чем идти дальше.

Так я честно говорил о своем опыте. *Ты* молчала, пила почти остывший чай с вишневым вареньем. *Ты* не любила горячий чай, только теплый, по мне – так холодный.

– Думаю, это правда – про определенных людей в определенное время. Но, знаешь, почему часто происходит расставание? Потому что даже в паре развитие людей неизбежно. Мы открываем для себя что-то новое, и это новое идет вразрез с новым того человека, что привел нас к этому новому. Если это развитие неравномерно или имеет различную на-

правленность, то будет расставание. А что, если попытаться принять новых друг друга? Тогда путь двоих может продолжиться.

После этих слов я ничего не мог добавить. Я смотрел на *тебя* и думал, какой же подонок сидит сейчас напротив *тебя*. За что ему такая награда? Сейчас понимаю: *ты* привела меня к новому. И расставание произошло не по нашей вине. Сценарий изменили там, наверху. Как-то *ты* сказала: «Однажды мы с тобой превратимся в буквы друг для друга». Отбрасываю Фаулза. *Ты* не буквы. *Ты* – выше и непостижимее любых существующих символов.

Сегодня я внес последнюю часть кредита за квартиру. Мы вместе сняли ее, вместе начали обставлять, здесь «все наше». В конце концов, выкупил ее я один. Один-один-один. Но все равно в этих стенах горчичного цвета не так холодно без *тебя*, как вне их. *Ты* ведь все еще здесь. На этом подоконнике *ты* любила сидеть, подобрав ноги, и, если даже там были печальные октябрьские сумерки, все равно улыбалась. «Никогда не разлюблю осень, никогда». Ты же обещала мне это никогда!

В этой маленькой комнатке с большим окном мы планировали сделать детскую. Она ни для чего другого не подходила – слишком узкая для спальни и слишком личная для гостиной. Ты могла сидеть здесь часами. Читать потрепанный томик с рассказами о кубинском зное или рассуждать о материнстве так, будто вырастила троих детей. Ты хотела мальчика, мне было все равно, лишь бы от тебя.

«Сначала я влюблюсь в саму мысль о нем, затем в плюсик теста, стручок с ручками и ножками, а потом в пухлощекого человечка, сующего себе ноги в рот. Чувства к нему быстро меняются. В первый год кажется: ну нельзя больше любить. Потом эта любовь расширяется, углубляется, умножается в

каких-то совершенно невероятных измерениях. И каждый новый день становится очередным шажком на длинном пути. Теперь мама уже спутник, рука в руке, а не просто кров и питание».

Я удивлялся, возмущался, пытал, откуда у *тебя* такие глубокие познания. Признаюсь, ревновал – хотелось, чтобы все, что было до меня и будет вместе со мной, проходило через меня. Я хотел тебя себе, всю целиком. В любви есть светлая и тихая ревность, растущая из желания принадлежать ко всем временам года твоей половинки. Это как сжать в кулаке теплый никому не принадлежащий прибрежный песок, но чувствовать, как он высыпается именно из твоей руки.

«Будто я пережила уже это в прошлом, в прошлой жизни... Не смейся! Такое бывает, я читала в Интернете... И вообще, кажется, я и тебя знаю миллиарды лет. Ты веришь, что такое бывает?» Вопросы отпадали сами собой, и мы целовались так, будто во всей вселенной нет ничего важнее. Я не могу простить себе случившегося. Я сам потерял *тебя* и того малыша, которого *ты* унесла с собой туда, куда не добратся, не утратив жизни. А может, того места, где вы должны сейчас находиться, вовсе нет? Что, если это еще одна иллюзия человечества? Мне холодно и страшно от слова «никогда».

Ты думала парадоксально. *Твои* мысли были прекрасны даже в ответ на какие-то повседневные несуразности. Наушники *твоего* айпода постоянно запутывались, и *ты* по-детски хмурилась, пытаясь их разделить. Уже вот-вот *ты* отбросишь их в приступе раздражения и юркнешь в метро без музыки, как неожиданно рассмеешься, беззаботно поясняя: «Они запутываются не для того, чтобы позлить меня. Просто левый наушник любит правый. Они обнимаются. Это любовь». Твой айпод сейчас слушаю я. Без наушников, подключая к ноутбуку. Первая песня всегда «Everytime I close my eyes I see your face». Закрываю глаза, вижу твое лицо. И почти слышу твой голос.

Теперь эти стены окончательно принадлежат нам. Или мне? В руках последние банковские документы, за окном шуршат шины редких автомобилей уходящего понедельника. Вжжж-вжжж по влажному асфальту. Опять зарядили дожди. Когда тебя не стало здесь, в этом мире, Клюква посоветовала мне съехать отсюда. «Хватит мучить себя, здесь все напоминает о ней. Ты погибнешь под этим, слышишь, погибнешь! Отпусти ее. Ты разве не понимаешь, что своими терзаниями изводишь и их? Отпустить не значит забыть!» Я не съехал. Поговорил с хозяйкой, попросил продать мне эту квартиру. Тут же нашел покупателя на машину, оформил кредит – и вот он погашен. Сам не знаю, как это вышло так быстро. Значит, так было нужно. Обстоятельства способ-

ствовали, возможности, подгоняемые какой-то силой, сыпались с неба.

Да, я привожу сюда женщин, которых не люблю. И я отчаиваюсь здесь, задумываясь о смерти. Но все это не имеет значения. Это уже другая жизнь другого человека. Все связи с прошлым остались внутри, заперты в ядре сердца, как смерть Кашея. Ничем не запачканные, ничем не развеянные. Каждый в той или иной мере торгуется со временем, каждый нацелен выиграть, зачастую во имя самых примитивных целей. Все война, внутри каждого война, вокруг меня война. А в войну все самое ценное относят в укрытие.

Наверно, я таким родился. Хотел бы быть ребенком, но как-то не получалось. Приходили новые и новые обстоятельства, и приходилось доказывать, что я сумею их победить. Доказывать себе и своей никудышной семье. Всегда легче не пробовать, чем прилагать усилия, а тот, кто сам неудачник, и других хочет видеть неудачниками. Я же шел напролом – для меня не было никаких репетиций, все писалось начисто и прямо сейчас.

Если скажу, не жалею, что беззаботного детства не было, выйдет вранье и цинизм. Конечно, были мгновения, которые растягиваются в целую пору. Но это просто лечебный самообман. Само собой, мне хотелось, чтобы мой отец был героем. Тем, кто не отмахнется, когда я погряз в проблемах, а крепко, по-мужски, обнимет за плечи, честно скажет: «Это хреново, сынок, но я с тобой». Но так не произошло ни разу. А теперь уже и не нужно. Ждать помощи – как брать взаймы. Самому сделать проще.

Маленький, я никогда нигде не забывал свои игрушки, не разбирал розетку, не засыпал в обнимку с родителями, когда пугают ночные призраки. Я не видел шумных дней рождения, когда мама разрезает большой-большой торт, взрослые

шумно говорят о своем, пока маленькие и оттого еще более шумные ползают на четвереньках под столом, играя в прятки. У меня не было любимой сказки перед сном, любимой книжки, любимого папы. Все как-то мимо. Но и никакого чувства ущербности не было, только сожаление. Все сам купил себе. Поздно, но купил. Даже машинки, так похожие на настоящие. И настоящую машину тоже. Ничего никому не доказывая.

Самое светлое в моей жизни началось, когда появилась *она*. Мы засыпали в тени высокого эвкалипта, и в этот миг прежнее одиночество казалось вполне оправданным – стоило так долго мечтать о *ней*, чтобы спустя годы *ее* встретить. Даже нелюдимый ветер казался только шалостью непогоды, а не колкими нападками былых тревог. Я готов был горстями вычерпать наше море, излить его к белоснежным ногам твоим. Но никакая поэзия не заменит поступков. *Тебе* было важнее, что я делал изо дня в день.

Да, мы спорили, расходились, я обвинял тебя в собственных упущениях, потом понимал подлость своих действий, просил прощения. И *ты*, возвышаясь вершиной над мужскими провалами, прощала, избегая банального «да все хорошо, забудем». «Я люблю, когда ты говоришь со мной, мне нравится и то, что ты не всегда одобряешь мои поступки, и твоя резковатая оценка всего, что я делаю, и твою аккурат-

ная нежность... Я не знаю как, но я сделаю все для тебя».

От такого признания, не подчиняющегося какой-то хитрой женской политике, мне становилось стыдно. Я больше не смел сказать никаких слов, чтобы заживо не сгореть в них. Клал голову на твои колени, ты перебирала мои волосы, а потом спрашивала что-нибудь совершенно житейское: «Ты что сегодня ел? Пойдем, я что-нибудь приготовлю».

Мужчины тянутся к женщинам за утешением или спасением. Ты меня спасла. Нашел в тебе семью. Сейчас скажу банальность: жизнь двоих гораздо счастливее, когда желание понимать важнее, чем быть понятым; когда желание сделать приятное не таит в себе планы получить что-то взамен, даже благодарность. Когда любовь не меняется даже на любовь, а только дарится.

Вот только теперь я не знаю, кому молиться, у кого искать то счастье, которому я научился, к которому приучился. Я как потерянный пес, у которого были семья, и вера, и желание отдавать любовь, но все внезапно исчезло. Крыша над головой осталась, еду добыть еще удастся. Но нет больше прикосновений своего человека – ничем не заменимых, самых желанных. От этой пустоты начинаешь уменьшаться, заканчиваться, хотя еще бегаешь и вглядываешься. Живешь. Вдруг все вернется. Вдруг. И тогда все пережитое покажется

обычным страшным сном. Стоило лишь проснуться, и все исчезло. А ты, дуралей, испереживался, хвост повесил.

Я даю ему больше положенной суммы. Долго держит в руке купюры, не решается положить их в карман синего халата, больше похожего на дождевик, только без капюшона. Смущенно улыбается, мол, не нужно было, тяжело, но, слава Аллаху, выкручиваемся. На пальцах его рук сказочно блестят крупными пятнами рыбы чешуйки. Прозрачные, перламутровые. Он чистит рыбу без перчаток. «Не могу в них. Нож будто злится, калечит руки. Особенно когда с глазами окуня возишься. Их у меня рыбаки скупают для приманки. Глаза окуня лучше любого червя».

У Иззета такие же большие и выпуклые глаза, как у окуня, лишь золотистого оттенка недостает. Над ними широкие брови, косо спадающие к вискам и сросшиеся на переносице. Он родом из Карса, холодного и бедного турецкого городка, где даже летние ночи по-зимнему студёные. Иззет женился в семнадцать на пятнадцатилетней двоюродной сестре. Сейчас у него трое детей, незаметная жена, которую никто из соседей до сих пор не видел, и небольшая рыбная лавка на нашей улице.

Иззету приходится нелегко – кроме жены и детей на его шее больная мать, у которой отказывают почки от лютых

карских непогод. «Слава Аллаху, справляюсь, грех жаловаться. Да и отсутствие богатства – это еще не бедность. Бедность – это жажда богатства». Порой мне кажется, у людей Востока – генетическая мудрость. На каждый случай своя, проверенная веками, максима. В конце концов, мудр тот, кто знает не многое, а нужное.

Каждую среду перед работой я захожу к Иззету за рыбой дорадо. Она у него лучшая, свежая, по хорошей цене. К тому же это единственная рыба, которую я умею готовить. С дорадо возиться не приходится. Обкладываю ее овощами и – в духовку. Сегодня Иззет постарался, заслужил щедрые чаевые – отложил мне две большие рыбины. Каждая по полтора килограмма, тогда как средний вес дорадо чуть больше полукилограмма.

Дорадо – это я. Рыба, похожая на меня. Когда-то читал, что они обитают поодиночке, как правило, в глубинах моря. И в моей жизни нет никого, кроме меня, и я тоже прячусь внутри. То, что снаружи – наносное, необходимость соответствовать. Люди с опытом учатся сдерживаться, придумывая себе оазисы-оправдания.

Иззет считает меня ученым, потому что я хожу в галстук, костюме, с портфелем в руках. «На крупном предприятии служите, не чета таким, как я, пропахшим рыбьими кишками». Легкая иззетовская самоирония. Он ждет не дождется

среды, чтобы услышать мои комментарии по ряду громких событий недели. Спрашивая мое мнение, он сразу же озвучивает свое. Зачастую достаточно интересное.

– Вы слышали об этом разбушевавшемся вулкане? Ей-богу, конец цвета. Даже самолеты не летают. Как бы он и на рыб не подействовал... Что вы об этом думаете?

– Да угомонится, не переживай, Иззет... Ты еще в один пакет положи, чтобы не порвался.

– Конечно, не волнуйтесь... На самом деле мне кажется, что извержение вулкана – это очень хорошо. Это как щелчок по носу от природы человеку, напоминание, что он тут не главный и не все может контролировать.

Возвращаюсь домой быстрым шагом, надо занести рыбу, потом на работу бежать. Успею? Смотрю на часы. В запасе сорок минут, укладываюсь. Захожу во двор и замечаю, насколько щедро он залит солнцем. Наконец на небе перекрыли воду. Все мое существо фиксируется на теплой улыбке природы, не желая признавать бесконечных снегов одиночества. Нужно впустить солнце внутрь, чтобы почувствовало сердце. Весна все-таки. Щелчок по носу от природы.

И почему-то в этот момент мне подумалось, что любви без жертв не бывает. Либо принципами поступаешься, либо возможностями. Главное, чтобы жертвы приносились добро-

вольно, с открытым сердцем, а то ведь некоторые живут в самообмане во имя идеи брака, ради детей, ради чувств, некогда переполнявших при взгляде на партнера. Наполняя чью-то жизнь, опустошают свою. Как в сообщающихся сосудах, все должно быть поровну – вот суть гармонии. Перевес в одну из сторон чреват накоплением разочарований. В любви не может быть замкнутого круга, возвращающего человека к нему прежнему.

Водопад звонит из города, в котором никогда не слышно ветра. Голос прерывается, плачет. Мое горло моментально перехватывает. «Что случилось?» Треск в трубке, потом абсолютная тишина и опустошающие слова: «Мама умерла». Для меня эта сцена происходит в другой декорации – я по-субботнему расслаблен, гуляю по заброшенной стройке недалеко от дома, мелкие камни осыпаются из-под ног, и солнце светит мне прямо в глаза. Но то, что случилось, равняет наши условия. Тети Эльзы больше нет.

Две недели назад у нее случился инсульт, сразу после традиционного утреннего чая с гвоздикой. Но она быстро пришла в себя. Будучи в больнице, развлекала соседей по палате еврейскими анекдотами и требовала у дочери хумуса с соевыми огурцами. Водопад рассказывала мне о капризах нашей любимицы, я хохотал, скучал по тете Эльзе. «Если хумуса хочет, значит, точно оклемается! Тем более у нее речь восстановилась, только нога отнялась». Я дал слово, что скоро приеду и мы все вместе пойдем к морю. Будем там есть сочные нектарины, запивать их вином из шиповника, собирать ракушки. Я собирался к самой мудрой женщине моей жизни – она не дождалась. Время пришло, а человека нет. Остались воспоминания, главный ингредиент человеческой

судьбы, и ее письма.

Тетя Эльза часто писала мне. Размашистый, мелкий почерк. Чуть ли не через каждое предложение еврейский мат. Я всегда удивлялся, как виртуозно соединяет тетя язык ученых книг с языком подворотен. Необычны были строки из последнего письма – о том, что мир, который для нас привычен, не более чем оболочка, и здесь на всех одни законы. Мы родились в этом мире, выросли, даже счастливыми бываем. Но еще есть изнанка этого мира, куда попадают с самого детства те, кого оболочка не приняла. И такие люди создают свое пространство, ни на что здесь не похожее. Их часто называют белыми воронами, потому что они продолжают противостоять материальному миру. А мы – сдались. И только пытаемся «держать марку» в своем поражении... Так в точку это было сказано. Я тогда подумал, каким же идиотом был, пытаясь вписаться в окружение, чтобы и у меня был в жизни стандартный набор: друзья, кошелек, отношения, флирт на стороне. И как меня утомляло вечное желание во всем увидеть суть. Прошло.

Я не знаю, что сказать Водопад. Она почти шепотом поскуливает на том конце провода, мне хочется ее обнять и снова услышать монотонный шум воды – если приложить ухо к ее спине, где-то над легкими, то шумы вполне отчетливы. Поэтому уже много лет для меня она Водопад. И еще

езде, где она появляется, гаснут спички, не успев зажечься. Последние пять лет она жила вдали от матери, в бурлящем мегаполисе. У них двоих были общий дом с щедрым садом, верный пекинес Фредик и прогнанные мужья. Дочь повторила судьбу матери.

«Женщины не виноваты, это мужики okozились. Надеюсь, не окончательно. Знаешь, вот бытует мнение, что женщина для мужчины должна быть праздником. Ну, вот будет она всегда праздником, а потом – бабах – грипп. Температура – тридцать девять, слипшиеся волосы, потная майка, мешки под глазами и никакое настроение. Далеко не праздник, одним словом. Тогда мужчина что? Или в полном шоке, потому что не знает, что с ней такой делать, или становится жертвой заложенного природой эгоизма, мол, ты мне не нужна такая, вернешься, когда снова будет праздник. С таким партнером как жить? А мы, дурехи, когда выбираем, разрисовываем себе любимых в лучшем виде. Потом сами же страдаем от того, что они так и остались картинками, никак не связанными с реальностью».

Водопад всегда такая, ее тянет на откровения про «невозможность отношений» после второго бокала вина. Она возмущается, жестикулируя тонкими руками, потом замолкает, вздохнет пару раз, признается: «Они, конечно, подлецы, но я все равно люблю мужчин. И до сих пор верю. Я дура?» Я смотрю на нее не менее пьяным взглядом, вспоминаю на-

ши институтские годы и говорю: «Ты – хорошая. Ты – водопад». «Твои» люди остаются с тобой, как бы ты ни ныл, каким бы ором ни орал, как бы ни пропадал. Они просто есть, они рады тебе открыть дверь, протянуть руки, разделить бутерброд.

Тишину в трубке я прерываю решительным: «Держись. Я вылечу ближайшим рейсом, на который найду билет». Она оживает: «Ты мне так нужен!» Нажимаю отбой, стремительно одеваюсь, еду в аэрокассу. Есть такие места, где нам обязательно нужно быть. Если и не постоянно, то хотя бы периодически туда возвращаться.

Луна в иллюминаторе – как желток в синей миске. Я лечу с грустью утраты внутри, но в ней больше светлых оттенков. Было много хорошего. Для меня, для нас. И это хорошее не перевешивает своего рода итог – потерю.

Мы с Водопад каждое лето, распрощавшись с сессией, ездили на ее родину. Там нас ждал большой дом, а в нем тетя Эльза и дядя Гурам, ее муж-грузин. Почти сказочные персонажи со сказочной любовью друг к другу. Потом любовь прошла, дядя Гурам вернулся в Мегрелию, Западную Грузию, откуда когда-то уехал в Россию на учебу. Тете Эльзе остались воспоминания, дочь и рецепт отменных хачапури по-мегрельски.

Она их готовила к нашему приезду, и мы почти не ощущали отсутствия большого грузина, словно свежеприготовленные хачапури исходили паром от тепла его кавказского сердца. Обычно мегрелы тесто для хачапури месят из муки, воды и соли. Тетя Эльза любила дрожжевое – с молоком, яйцами. Так вкуснее получалось. Тесто следовало обмять четыре раза за три часа, иначе хачапури выходят твердые. Дядя Гурам научил ее выбирать сулугуни. «Когда нажимаешь на кусок, жидкость из него должна выделяться прозрачная.

Если мутная, белого цвета, то сулугуни залежавшийся». Мы съедали хачапури и, выкурив по сигарете, бежали на природу, в пространство. За зиму уставали от многоэтажных лабиринтов большого города. Водопад убегала с Фредиком к пруду, я гулял между веревками развешанного белья. Для меня это был непостижимо чистый лес.

Первые месяцы без *нее* я пробыл здесь. Водопад привезла меня сюда буквально насильно, да и не было мочи сопротивляться. Я существовал тогда в каком-то облачном измерении. Включался, отключался с мыслью «больше ничего нет». Полная безъязыкость, литое молчанье внутри, снаружи. Отчаяние без единого просвета. Не было алкоголя, слез. Ничего не было. Пустота. Многоточия. А они – предвестники последней точки. И вдруг появилась Водопад. Снесла мощным потоком угрозу окончательного разложения.

Она доверила меня тете Эльзе, обняла и уехала. «Мам, дай ему время». Я влился в нечто неосязаемое. Была теплая осень с уютными закатами, муторошной рябью невысказанных чувств. Запах вечера, ударяющий в нос, когда я выходил на веранду. До поздней ночи мы с тетей Эльзой сидели в тишине за маленьким деревянным столом, она неспешно загружала в чайник фруктовый ройбуш, каркаде и лакричник, заливала их кипятком, засекала семь минут. Потом мы пили это настой из кружек с потрескавшейся золотистой каймой,

учились улыбаться пасмурному небу через печаль.

Тетя Эльза лечила молчанием. Таким наполненным молчанием, когда суть не в словах, а в присутствии рядом.

– Многоточие – это ведь приближающийся конец?

– Совсем нет, сынок.

– Но в нем большая доля сомнений...

– Неопределенности. А даже в самой туманной неопределенности есть надежда. Я не такая уж большая оптимистка, но я верю в то, что люди сильнее обстоятельств.

Полночи после этого разговора я не спал. Искал *ее* в воспоминаниях, прислушиваясь к абсолютной тишине за окном. Я думал, смогу ли дальше жить наедине с утраченным, не ища своего отражения в других глазах? Смогу ли я вынести самого себя, развернуть в себе продолжение?

А днем мы вместе нарезали немые яблоки для вина, дышали бризом прохладного моря, который заигрывал на столе с яблочными косточками. «Тщательно вырезай сердцевину, иначе вино будет горчить. Нам еще гвоздику надо перебрать, подсушить. Яблочное вино без нее – как компот без сахара». В перерывах тетя Эльза зачитывала мне афоризмы Жюль Ренара, научившего ее улыбаться несправедливым законам жизни. «Если бы строили дом счастья, самую большую

комнату пришлось бы отвести под зал ожидания... Когда-то благодаря этим словам я закрыла двери, которые долго держала открытыми. Глупой была, растрачивала себя в ожидании того, кто никогда не пришел бы. Женщин хлебом не корми, а дай поиграть в романтическую героиню. Нельзя дорожить чем-то и думать, что оно не изменится. У всего есть свой срок годности. Да и, в конце концов, нет ничего честнее одиночества».

Я вернулся в город другим. Не произошло еще полного исцеления, не отпустил все и сразу, не подал заявку на новую жизнь. Мне не стало хорошо, но точно полегчало. Я возвращался туда, где потерял *ее*, с осознанием, что пора учиться жить дальше. Без того, что было и чего больше не будет. Не знаю, получается ли у меня, но порой кажется, что вся моя дневная активность не имеет ровным счетом никакого смысла. Все действия не привязаны к причинам и результатам. Ибо «почему» и «зачем» бессмысленны.

Она молчит. Водопад иссяк. Еще каких-то несколько недель назад он сливался с жизнью в бурный поток, стремительно бегущий куда-то на юг, ближе к свету. Теперь – ничего. Где привычный шум? Вместо него тишина.

Она вспоминает о Гураме. «Когда у него случалось затяжное плохое настроение, он просто уходил в горы. Недели на две. А когда возвращался, то они целый год не ссорились. Сейчас я смотрю на эту самую гору. Жду, когда он появится, сойдет с каменистой тропы, и все покажется другим. Об этом хорошо Борхес писал: тонкий и сладкий привкус воспоминаний, память о будущем по имени надежда... Тропа пуста, одни камни. Гурам заменил мне отца. Для мамы он был ее противостоянием всему, что не получилось изменить, но так хотелось».

В нас море, много ветра. Я накидываю на голову Водопад капюшон ее куртки, но она сбрасывает его: «Пусть мысли проветрятся». Волосы разлетаются в порывистом теплом вихре.

Вторые сутки без еды. Сегодня вечером мы через силу съели по одному киви. В остальное время – кофе и сигареты.

Это выходит естественно – единственное, в чем есть нужда, когда воспоминаний по горло. Только от кофе и сигарет не тошнит. Они заполняют, пропитывают свежестью первых ощущений, будто все только что произошло. Ощущение такое, как когда все главное уже давно закончилось, прошлое оплакано, но вдруг вздрагиваешь от случайного профиля на улице – и все начинается сначала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.